

ДАЙВ-КЛУБ**ЭТО – «ФРУНЗЕ»!****Корчагин К.А.**

клуб подводного поиска «Садко»

Летом 1997 года клуб подводного поиска «Садко» из Николаева, предпринял поход к месту гибели эскадренного миноносца «Фрунзе». Этот эсминец погиб осенью 1941 года в бою с немецкой авиацией в Каркинитском заливе, недалеко от Тендровской косы. Статья, что лежит перед вами – рассказ об этом походе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эсминец «Фрунзе», клуб подводного поиска «Садко».

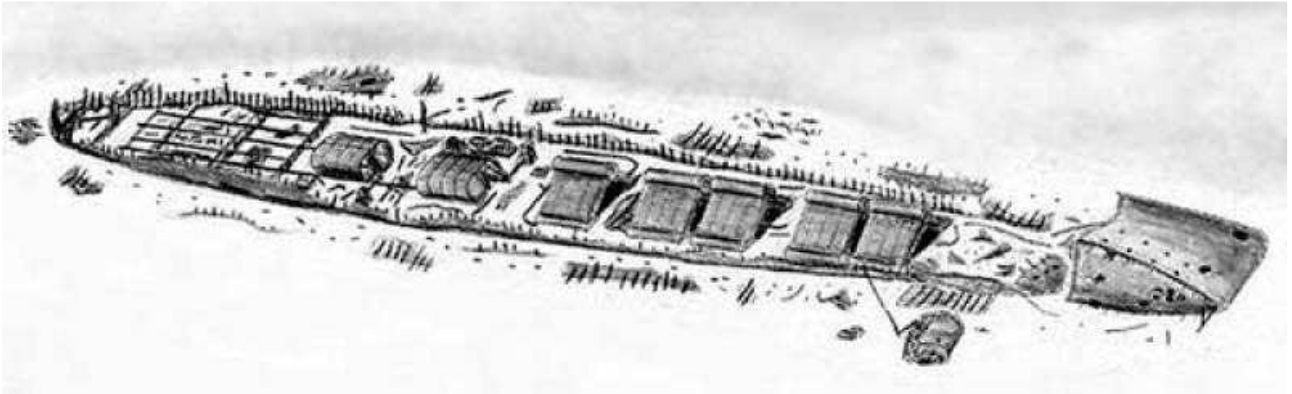
Поздно ночью море стало успокаиваться. Напористый норд-ост ослабел и тяжелые тучи, сверкая грозowymi сполохами, уходили на юго-запад. В просветах появились яркие августовские звезды. Экспедиционный водолазный бот «Буревестник» стоял на якоре в полутора милях от пустынного берега Тендровской косы.

Морская вода фосфоресцировала. В черной ночной воде стремительно прочерчивали пространство холодными зелено-голубыми молниями рыбы тела, не торопясь, проплывали медузы. Мне выпало стоять предутреннюю «собачью» вахту, но спать не хотелось. Не спалось и другим участникам экспедиции. Да это и понятно, ведь в каких-то десяти метрах под днищем «Буревестника» покоился эскадренный миноносец «Фрунзе».

Прекрасно вспоминаются события вчерашнего дня. Плавно покачиваясь, «Буревестник» взбирается на крутую волну, и при этом понижается тон работы главного двигателя, летят брызги до мостика и стелется за кормой белый дымок из выхлопа. С мостика открывается великолепная картина: на северо-востоке виднеется белоснежная полоска земли – Тендровская коса, а во все остальные стороны – синие просторы до горизонта. Вздвигающиеся волны на своей вершине несут белую корону пены, а грудью отбрасывают солнечный свет, слепя наблюдателя. Плавно покачиваясь «Буревестник» взрезает форштевнем сплошной фронт волны, отбрасывая столбы брызг от скул вперед и в стороны.

Вот «Буревестник» прошел траверз Тендровского Основного маяка и вскоре его полосатое тело осталось за кормой. Продолжаем двигаться на юго-

восток и слева по носу вырастает ажурная стрела другого маяка – Тендровского Южного. Проходим еще немного и наконец на горизонте открывается черно-желто-черная сигара – подходной буй подводного препятствия. Идем на сближение. «Буревестник» сбавляет ход – мы в кабельтове от сигары. Бросаем якорь. Здесь под волнами и покоится легендарный «новик».

С «Буревестника» спускается за борт шлюпка. В нее впрыгнула поисковая партия: Сергей Юкальчук, Игорь Солоненко и автор этих строк. С борта «Буревестника» бережно передали секстаны. Задача шлюпочной команды – ориентируясь с помощью секстанов по объектам на Тендровской косе, как можно точнее поставить небольшой буюк в месте, где на карте отмечен трехчерточный крест затонувшего корабля. А уже затем будет производиться траление «Буревестником» вокруг этого буйка до тех пор, пока не будет найден «Фрунзе».

С усилием выгребая против волны, отходим от борта «Буревестника» и направляемся к предполагаемой точке. Одновременно двумя секстанами снимаем необходимые показания. Процедура продолжается около получаса. Но вот за борт полетел буюк, обозначающий центр зоны траления. Однако тралить не возникло необходимости. Промеряя ручным лотом глубины вокруг буйка, нам удалось намертво зацепиться грузиком лота за остов корабля. С «Буревестника» завели на «Фрунзе» ходовой конец и начали погружения.

Быстро проверяем и подгоняем снаряжение – отправляемся с Игорем Солоненко в погружение на «Фрунзе». Надев маски, сходим по трапу во взбивающуюся пеной воду. Взмахнув пару раз ластами, добираемся до ходового конца. Включаемся в акваланги и, обменявшись красноречивым жестом – сжатая в кулак ладонь, направленная отогнутым вниз большим пальцем – переворачиваемся и уходим под воду.

Под нами 10 метров. Ходовой конец белой трассой уходит в глубину и теряется где-то в двух метрах под нами. Погружаемся еще на метр, и сразу же из зелени проступает обросший ракушками, простирающийся далеко вперед мощный хребет котла. Доплыв до отвесно уходящего вниз края котла – верхняя точка выступает над грунтом на 6 метров – сваливаемся в пространство между котлом и первой турбиной. Здесь полным-полно всякого железа: вместе перемешались многочисленные трубы, кабеля, свернувшиеся в спираль

мощные швеллера-жесткости, рваные листы обшивки. И все это покрыто толстым слоем ракушек и бурыми низкорослыми водорослями.

Взяв вправо, перемахиваем через борт. Он почти разрушен и выступает из грунта на метр-полтора. Медленно двигаемся вдоль борта, поднявшись над ним на пару метров. Время и морская вода довершили разрушения, причиненные бомбами. Ржавчина одолела прочность металла, и корпус во многих местах развалился в стороны подобно створкам гигантской раковины.

Повсюду множество капроновых, стальных тросов, зацепленных за обломки. Они стелятся вдоль борта, уходят в середину. А сколько здесь якорей! Есть маленькие рыбацкие – совсем крохи, а есть и побольше – массивный якорь Холла пробил остатки двух палуб и застрял в металлической мешанине, зацепившись лапой за котел. Хозяин якоря не смог его поднять, и разрубил якорную цепь – дремлющий же под водой корабль приобрел еще одну побрякушку.

Вот под бортом частично замытая в песок рыбацкая сеть. Их тут тоже великое множество – поколениями рыбаки цепляли ржавый остов некогда грозного корабля сетями и неизбежно их рвали. Они, как и якоря, – дань человека забытому кораблю.

Но вот в поле зрения попадает корма эсминца. Когда-то над песчаными барханами возвышалось несколько метров подзора корабля, на котором были укреплены бронзовые звезда с серпом и молотом и буквы надписи: «ФРУНЗЕ». Теперь же, это едва ли полтора метра выступающего из грунта плавно закругленного остова с рваными, иззубренными краями обшивки и торчащими шпангоутами, в диаметральной плоскости которого возвышается мощный штевень.

Мы шли с Игорем по левому борту и теперь возвращаемся вдоль правого. Вплываем на «палубу» и движемся в нос, обходя различные выступающие, обросшие мидиями глыбы – сейчас сложно понять, какой деталью корабля они были. Время съело ржавчиной непокорный металл, морская растительность скрыла остов своим покрывалом, скрывая острые и прямые грани, которые придал кораблю-великану человек. Ориентироваться можно только приблизительно. Вот из корпуса метра на три выступает здоровенная труба. Судя по расположению, это пиллерс одного из кормовых 102-мм орудий. Прямо у ее подножия глаз замечает необычные очертания: правильная окружность соединяется с центром радиальными спицами – штурвал! Быстро скользим вниз и, подхватив находку, выкорчевываем ее из наваленного сверху хлама. По-видимому, это штурвал кормового поста управления кораблем или аварийного рулевого устройства. Надежно запомнив место, где мы с напарником оставляем штурвал, отправляемся дальше – к турбинам, а затем в нос.

Хаос искореженного металла, из зеленой толщи воды выступает громада котла. Проплываем под ним. Ничего примечательного: просто скала, выступающая подобно горошине из развернутого ржавого стручка корабельного корпуса. Размеренно работая ластами, продвигаемся вперед – появляется еще один котел. Плыдем дальше – еще один, ...еще, ...еще – пять котлов! Сейчас они холодны и безжизненны, а когда-то эти котлы позволяли турбинам развить мощность в 20 тысяч лошадиных сил!

Торчащие во все стороны ребра жесткости, нагромождения ржавого железа спускающегося террасами по обе стороны к бортам, образовали странный город с «башнями» и «арками», «крепостными стенами». Здесь есть что-то похожее на улицы – однообразно направленные обломки, быть может, бывшие фрагменты палуб или бортов, – теперь по ним прогуливаются медузы. Есть и площади – значительные пространства дна, занятые рухнувшими по бокам бортами. Стаи мелких рыбешек в погоне друг за другом постоянно резвятся там. Есть залы – может быть, помещения корабля, а может – сложенные причудливо упавшими проржавевшими конструкциями. Заплывать туда опасно, ведь все это может обрушиться на беспечного ныряльщика. Можно лишь остановиться и заглянуть в середину: трубы, набор, все, сплошь покрытое слоем мидий, завязано здесь в непостижимом диком танце. Солнечные лучи, проникающие через крышу такого зала в многочисленные прорехи, укрывают все вокруг причудливым узором света и тени. Ну, а все это вместе является подводным пентхаузом для морских обитателей.

Здесь очень тихо. Так тихо, что слышны собственные мысли: «Падение... бессилие... распад...» Непонятное щемящее чувство охватывает находящегося здесь, чувство присутствия прошлого, всего того, что было ярко, реально, многоцветно вчера, а сегодня, как черно-белая фотография, – плоско и отстранено. Каждое погружение сюда станет броском в прошлое – физически ты находишься в независимой Украине, а сознание – в первых месяцах войны, когда еще ничего не было определено, далеко до перелома в войне и, лязгая гусеницами, немецкие танковые армии катят по степям Советской Республики Украина. Чувствуешь тугую вибрацию временной спирали, которая может под воздействием неясных факторов завертеться эдак, а может распрямиться и в другую сторону, пустив локомотив истории по другому пути. Почему кораблю, прошедшему огонь Первой мировой, пережившему революцию, Гражданскую войну и интервенцию, суждено было погибнуть в первый же год войны? Может, у «Фрунзе» могла быть другая судьба – в завершённой года на два

раньше войне, войти в вымпелах и флагах на рейд Севастополя? И чтоб непременно – нарядные люди на пристани, и матросы на палубе в белой парадной форме, и раскатистое «Ура!» над волнами... Лежащий на дне остов корабля является звеном, соединяющий прошлое с нашими днями, служит символом того настоящего, которое могло бы быть, но так и не наступило.

Перед нами появляется склон, простирающийся далеко по бокам и покато уходящий вниз и вперед. Еще несколько сильных гребков ластами и мы вылетаем на песок – корабль, раскинувшийся на морском дне более чем на 90 метров, закончился. Значит, этот непонятный склон – носовая часть эсминца. Медленно оплываем ее кругом. Носовая часть корабля оторвана от корпуса, и лежит на правом борту. Вот заросший ракушками клюз, здесь покоился якорь. Взбираемся верхом на обращенный к поверхности левый борт. Под нами провал – большущая дыра в обшивке. Заглянув внутрь, видим на дне среди бесформенных кусков железа, раскиданные снаряды главного калибра – 102-мм орудия. Это носовой артпогреб.

Мы с Игорем под водой уже долго – замерзли, да и запасы воздуха подходили к концу. Разворачиваемся и энергичными взмахами ласт добираемся до ходового конца. Прочно ухватившись за канат, вибрирующий от играющего на волнах «Буревестника», начинаем всплывать. Вверху, на поверхности, висит розовое брюхо нашего водолазного бота, а рядом – яркий, перемигивающийся глаз солнца. Еще несколько взмахов ластами – и вот он, трап. В маске играют веселые солнечные блики. Погружение окончено.

Анализируя события прошедшего дня, не замечаешь ход времени. Незаметно вокруг начинает быстро сереть – разворачивается величественнейшее представление: восход солнца над морем. Постепенно блекнут звезды, и ореол нежно-розового света поднимается с востока. Скоро вокруг уже настолько светло, что можно различить на тендровском берегу маяки: Белокучугурский, полосатое тело Тендровского Основного и ажурную стрелу Южного, – но солнце еще не взошло. Вода тихо плещется у борта, прикрытая сверху легкой дымкой. Утренняя свежесть делает воздух удивительно легким и приятным. Так длится очень недолго, когда вдруг вдоль горизонта на востоке пробегает ярко-желтая черта и одновременно в небо бежит сплошной фронт слегка приглушенного, переходящего от малинового у основания к золотистому и далее бледно-желтому на периферии света. Изменения происходят быстро, и наблюдатель замирает с широко раскрытыми глазами, прикованный к палубе. Постепенно золотой прилив расширяется, и вот уже из-за горизонта появляется край солнечного диска. Совершенно незаметно для глаза меняется освещение и все – море и берег, приобретают теплые оттенки золотистого и желтого, оживают и становятся рельефными. От солнечного диска, растущего с каждой секундой, к наблюдателю по водной поверхности бежит желтое море огней – отраженные солнечные лучи, и кажется, словно солнце притягивает к тебе свои руки. Природа, приветствуя новый день, вдруг обращает на себя внимание: стая чаек с криком проносится над головой, а в воде замечаешь массу колышущихся медузых тел. Солнечный

экватор вырастает из моря, быстро истончается и лопаются золотая пуповина, растущая за горизонтом. Мгновение, и в полном своем великолепии солнце выкатывается на небо, быстро взбираясь по небосклону...

Следующий день пребывания на «Фрунзе» начинается с обычных водолазных будней. Застучал, разбив утреннюю тишину дизель-генератор, запустили компрессор – необходимо набивать сжатым воздухом акваланги, чтобы обеспечить бесперебойную работу водолазной команды. В водолазке готовится к погружению первая пара аквалангистов. Это Сергей Юкальчук и Владимир Леженко. Сегодня перед водолазами поставлена задача: внимательно осмотреться в машинном отделении. Когда водолазы уже готовы к погружению, проводится последний традиционный инструктаж по водолазной взаимовыручке:

– Не теряйте друг друга из виду, каждый внимательно следит за напарником и в случае необходимости приходит тому на помощь. Вместе погрузились, вместе и выходите на трап.

Значение этих слов сложно переоценить. Ведь каждое погружение пусть небольшой, но психологический стресс, обусловленный непривычной физической средой пребывания аквалангиста, тем более в руинах затонувшего корабля. Здесь в любую минуту, если вести себя неосторожно, можно попасть в безвыходную для водолаза-одиночки ситуацию: запутаться в остатках сетей, застрять в обломках, повредить об острые края истонченного за долгие годы пребывания в воде металла акваланг или сильно порезаться. И только товарищ сможет помочь в этой ситуации. Ты не связан с ним веревкой, моральная связь объединяет вас. Подводное плавание излечивает людей от эгоизма и поэтому водолазам всегда удается быстро сдружиться, а после нескольких погружений они ощущают себя братьями по духу...

Вот уходит в грунт улитка циркуляционного насоса главного конденсатора первой турбины, рядом еще один насос – поршневой. Чуть поодаль, под набросанными листами железа – цистерна с квадратной горловиной. Она доверху забита черным липким илом. Что это было? Мазут? В грудях металла Владимир обнаруживает огромный вентиль. Он совсем не оброс и великолепно сохранился. С огромным усилием перекапывая вентиль – в высоту он достигает пояса – водолаз выворачивает его верхнюю часть из песка, на которой закреплен мощный бронзовый маховик диаметром 400 мм. Вращением этого маховика перекрывался доступ пара в магистраль. Поверх маховика Владимир обнаруживает закрепленную латунную табличку, на которой, после очистки ножом обрастаний, без труда можно прочитать: «ОТР. ПАР.ВОЗД.НАСОС.В.ГЛАВ.ХОЛОД.»

С усилием удается открутить гайку, фиксирующую табличку, и снять ее. А вот с маховиком пришлось повозиться. Исполин никак не хотел поддаваться, и пришлось приложить максимальные усилия, чтобы снять его. Тащить его вверх тоже оказалось делом не из легких – маховик оказался слишком тяжелым. На помощь пришел напарник, и вдвоем они докатили его до ходового конца, и там, подтягиваясь по тросу, поднялись на поверхность.

Вода у трапа вскипает пузырями выдыхаемого воздуха. Тяжело дыша, водолазы появляются из воды, и, ухватившись за ступеньку трапа, передают маховик. Сразу несколько человек прыгивают на транцевую площадку и перехватывают массивную реликвию – в ней килограмм двадцать. Довольные находкой, водолазы снимают с себя снаряжение, и Владимир оживленно рассказывает о подводном приключении.

В сентябре 1941 года Советское командование решило высадить десант в районе села Григорьевки – на левом фланге румынских войск, штурмующих Одессу и перейти в контрнаступление, тем самым, улучшив общее положение осажденного города. Была сформирована десантная бригада, в которую вошел и эсминец «Фрунзе». Общее руководство операцией было возложено на командующего Черноморской эскадрой контр-адмирала Л.А. Владимирского.

Ранним утром, 21 сентября, за несколько часов до основного отряда высадки, «Фрунзе» вышел из Севастополя. На его борту Л.А. Владимирский направлялся в Одессу – уточнить обстановку и установить связь с сухопутными частями. Кораблем временно командовал капитан 3-го ранга В.Н. Ерошенко, командир лидера «Ташкент», находившегося в это время в ремонте. Он заменял капитан-лейтенанта П.А. Бобровникова, получившего ранение в предыдущем походе эсминца.

На море стоял штиль, и эсминец восемнадцатизуловым ходом, точно поддерживаемым машинной командой, приближался к Тендровской косе. Экипаж только что пообедал на боевых постах. Едва открылся Тендровский маяк, сигнальщик доложил, что замечен силуэт корабля и дым. «Фрунзе» пошел на сближение, и вскоре с эсминца опознали канонерскую лодку «Красная Армения», подвергшуюся атаке немецких бомбардировщиков. Она была полузатоплена и горела, в воде вокруг плавали люди. Эсминец застопорил ход и спустил шлюпки, чтоб подобрать уцелевших моряков.

И тут снова появились вражеские бомбардировщики. Они прилетели добить канлодку, но, увидев эсминец, решили наброситься на него. Но «Фрунзе» уже успел отойти от шлюпок и развить полный ход, уходя в море.

Главное оружие корабля в таком бою – скорость и маневрирование. Звон боевой тревоги потонул в грохоте первых залпов зенитных орудий и пулеметов. Это заставило немецких летчиков изменить строй. За штурвалами «Ю-87» сидели асы из эскадрильи охотников за кораблями, специально переброшенной сюда с берегов Средиземного моря авиадивизии. 12 самолетов перестроились по три, и первая тройка с ревом бросилась на корабль...

Вторыми под воду идем снова мы с Игорем Солоненко. Наша цель та же – машинное отделение. Подплыв к ходовому концу, делаем кувырок и уходим в глубину. Снова белой трассой уходит в толщу воды ходовой конец. Видимость сегодня хуже, течение несет взвесь, которая быстро пролетает перед стеклом маски. Перед нами появляются старые знакомые – первая турбина и главный конденсатор. Приземлившись на место, начинаем осмотр.

Почти сразу замечаю круглое стекло в грунте. Иллюминатор?! Протягиваю руку и, ухватившись за иллюминатор, тяну на себя. Подняв облако взвеси и песка, тот вырывается из дна и остается у меня в руках. Внимательно осматриваю находку: «Ба, да это же манометр!» Вот к нему подходит трехходовой краник, и кусок медной трубки – через них на прибор поступал пар. Когда-то он показывал давление пара в котлах, сейчас же он сплошь покрыт плотным панцирем ракушек, а внутренности за стеклом плотно забиты илом. Демонстрирую находку Игорю, и тот показывает одобрительный жест рукой. Откладываю находку на видное место и продолжаю поиск.

Кусок уголка, совсем изъеденного ржавчиной, какая-то труба, фрагмент обшивки с заклепками, еще труба. И вот, через несколько метров замечаем среди мешанины мелких обломков железа предмет необычной формы. Подплываем к нему и очищаем от наваленного металла, песка. Несколькими ударами специально прихваченного для этой цели молоточка, сбиваем образовавшуюся накипь, и взгляду предстают слесарные тиски внушительного размера. Значит, мы попали в судовую мастерскую! Ухватившись руками за тиски и упершись ногами в дно, выкорчевываем слесарного мастодонта набок. Тиски чрезвычайно тяжелы, и поднять их без лебедки нельзя, поэтому, очистив их от пластов ржавчины, откладываем находку в сторону. В яме, образовавшейся от тисков, замечаем аккуратно уложенные картофелины закипевшей ржавчины пополам с ракушкой. Взяв один такой предмет, ударяю его молоточком – толстая скорлупа образований рассыпается и в руках у меня зубило. Беру из ямы еще одну картофелину – удар: в руках остается просечка для отверстий. Новый удар – появляется вороток для нарезания резьбы. Похоже, мы нашли верстак, где под тисками хранился бережно уложенный руками судового механика инструментарий.

Заткнув находки за пояс, выбираемся к правому борту. Вот и иззубренные края борта, торчащие ребра шпангоутов. Продвигаемся чуть в нос и видим перед собой насос, соединенный через муфту с электродвигателем. Корпус двигателя, приводившего насос во вращение, стальной и сплошь покрыт пушистым, ярко-рыжим покрывалом ржавчины. Поддеваю ножом прикрепленную к корпусу табличку и, очистив пальцев латунную поверхность, читаю: «НКТП Харьковский Электромех. Завод ХЭМЗ им. тов. Сталина».

Пора выходить на поверхность. Прихватив наши трофеи – инструменты и манометр, всплываем. На поверхности ребята принимают из наших рук находки, и сразу же на палубе разворачивается импровизированная реставрационная мастерская. Манометр бережно разобрали и промыли в ведре с чистой водой. Стальной циферблат манометра и стрелка сгнили за 50 лет пребывания в морской воде, превратившись в плотную, комковатую массу. Сама же рабочая трубка, тонкая пружина стрелки, корпус манометра, выполненные из латуни, великолепно сохранились.

У бортов «Фрунзе» от разрывов вздыбились фонтаны воды, закипело от осколков, превратившись в бурлящий котел море. Ведомый командиром эсминца закладывает резкие циркуляции, увертываясь от сыплющихся бомб. Не прошло и десяти минут с начала боя, как в воздухе появилось еще шесть пикировщиков, а через некоторое время их стало уже двадцать пять... Слабое зенитное прикрытие не справляется, – самолеты заходят один за другим, сбрасывая бомбы в крутом пике.

Две бомбы взрываются по корме эсминца. Сразу же замолкают зенитки, расположенные на юте. Корабль остается почти без прикрытия с воздуха. В сером едком дыме скрылась вся кормовая часть. Когда дым развеялся, из obsługi двух кормовых орудий в живых не осталось никого. Вышла их строя правая машина, заклинило руль. На мостик докладывают, что затапливаются кормовые отсеки. В кормовом кубрике, румпельном и машинном отделениях аварийные партии, задыхаясь от дыма и пара, сражались за живучесть корабля, но выправить положение им не удавалось. Корма эсминца стала заметно оседать. С громадным трудом ввели в строй правую машину.

Лишенный руля корабль начинает самопроизвольно циркулировать вправо, удержать его на курсе можно только машинами. Сигналы машинного телеграфа по-прежнему выполняются безупречно – нижняя вахта стоит на своих постах.

С воздуха снова бросаются пикировщики – новый заход. Белые смерчи взрывов встают выше мачт, закрывая горизонт, и даже с мостика ничего нельзя различить. По самолетам, сбрасывающим на корабль свой смертоносный груз, ведется огонь только из пулеметов. Комендоры в отчаянии открывают огонь по самолетам из 102-мм орудий главного калибра.

В один из дней мы решили сходить на боевую рубку эсминца. Она оторвана от корпуса взрывом и выброшена по правому борту корабля. В 1972 году садковцы вырубili в ее днище отверстие, через которое проникли в середину. Там были найдены детали радиооборудования, с рулевой машины сняли штурвал, но он не проходил в вырубленное в днище рубки отверстие, тогда его распилили и вынули по частям.

Ловко набросив акваланг через голову, закрепляю ремни. Напарник уже ждет меня на трапе. Готово. Надвигаю маску на лицо и спускаюсь в воду. Кувырок, несколько взмахов ластами, и мы на грунте. Сориентировавшись, направляемся по правому борту вдоль котлов на нос.

Вот перед нами возникает массивный корабельный шпиль. Его сорвало с палубы и выбросило на песок. Слева впереди возвышается темное пятно полубака – значит, боевая рубка где-то поблизости. Заложив круг, метров через 7 выходим на обширное тело рубки. Она лежит на правом боку, на 2/3 погрузившись в песок. Спереди она закруглена и смотрит на нас рядом иллюминаторов. Они так заросли мидиями размером в палец, что в середину нельзя просунуть и кулак. Над иллюминаторами выступает ходовой мостик, подкрепленный кницами. Один из крыльев мостика возвышается над рубкой на полметра. Перемахнув через него, оказываемся собственно на мостике, где до конца оставались командир и рулевой, направлявшие корабль через огненный шквал в его последнем бою. Сейчас с мостика выступают какие-то конструкции, все опутанные сетями и обрывками канатов. Медленно обплываем рубку вокруг. Входа нигде не видно. По-видимому, он располагается с правой стороны рубки и сейчас находится глубоко в грунте. В днище замечаем прямоугольное отверстие, вырубленное нашими соclubниками в 1971 году. Сейчас оно прямо над дном, и чтоб заглянуть в середину, необходимо распластаться на песке. Внутри все до нижнего края забито илом. Сверху обрушились какие-то металлические листы: проникнуть внутрь не удастся. Подвсплыв на пару метров, еще раз, на прощание, окидываем взглядом, некогда центральный пост управления эсминцем и возвращаемся на «Буревестник».

Еще заход пикировщиков. Взрыв потрясает весь корабль от киля до клотика – прямое попадание в полубак. Сорвало козырек ходового мостика, все приборы, убит рулевой, оставшийся на своем посту, хотя руль уже не действовал. Тяжело ранен командир эсминца В.Н. Ерошенко. На полубаке много погибших, убит комиссар корабля Д.С. Золкин. Из obsługi носового орудия в живых остался один наводчик, у него осколком оторвало руку...

Корабль начинает крениться на правый борт. Машины продолжают работать, но машинный телеграф вышел из строя. Управление машинами переводится на голосовую связь – от мостика до машинного отделения выстраиваются краснофлотцы.

Л.А. Владимирский и В.Н. Ерошенко принимают решение идти к Тендровской косе, чтобы приткнуться к отмели и тем самым предотвратить его опрокидывание. Места, где по карте малые глубины, совсем недалеко, но неизвестно, удастся ли дотянуть: крен все возрастает. Атаки самолетов не прекращаются. Маневрировать все сложнее, команды по цепочке идут медленно. Контр-адмирал Владимирский спускается к палубным люкам в машинное отделение, чтобы командовать прямо в машинные люки.

Скинув бомбы, «Юнкерсы» на бреющем полете поливают палубу из пулеметов. Падают убитые и раненные, но корабль продолжает сражаться. Оглушенные, в окровавленной робе, комендоры стояли по колени в воде, но не выпускали орудийных рукояток. От бесперебойной стрельбы стволы орудий раскалились, и брызги воды от близких разрывов, поливающих орудие, мгновенно превращаются в пар, который, смешиваясь с пороховым дымом, застилает все вокруг.

Чтобы избежать детонации от попадания бомбы, последовал приказ выпустить все торпеды и сбросить оставшиеся глубинные бомбы. Торпедные аппараты развернули к берегу, и одна за другой за борт с шумом вырвались и ушли к берегу сигарообразные тела торпед. Все было выполнено слажено и быстро, несмотря на то, что все торпедисты еще в самом начале боя ушли на шлюпках на помощь морякам «Красной Армении» и остались там.

По приказу контр-адмирала из кубриков вынесены все койки, расшнурованы и разбросаны на палубе пробковые матрасы. Проходит несколько минут, и крен резко возрастает. Корабль начинает валиться на борт. Звучит команда:

– Всем наверх! Оставить корабль!

На следующий день выдалась великолепная погода – штиль и много солнца. Под водой было светло, за ночь улеглась поднятая вчера течением взвесь. Ребята просто рвались поработать под водой, и мне удалось погрузиться только после обеда. Моим напарником стал корабельный боцман – Игорь Еремеев.

Мы отправились в свободный поиск на корму эсминца, с целью обследовать район, где располагались каюты офицеров корабля и кают-компания. Довольно долго мы плавали над ржавым остовом эсминца, пытаясь что-то отыскать, но нам попадались лишь куски кабелей и рваные сети. Неожиданно, в двух метрах под нами, среди железа на самом дне, блеснула ярко белая полоска. Опускаемся ниже и освобождаем из песка фаянсовое

блюдо. Оно совсем целое, но имеет рыжий цвет ржавчины, край, торчавший из песка, кое-где оброс мелкой мидией. Счищаем обрастание – на ободке до сих пор сохранился узор: по зеленой полосе блюдо окаймляет якорная цепь, замыкающаяся на выписанном золотом якоре в спасательном круге. На круге написаны четыре буквы: «РККФ» – Рабоче-Крестьянский Красный Флот. Бережно передаем друг другу тарелку и рассматриваем ее под водой.

Мы еще долго плавали, но больше ничего найти не удалось. И только возвращаясь на «Буревестник», вытащили из песка еще один предмет – мы решили, что это настенные часы. На массивной латунной пластинке корпуса крепился механизм с зубчатыми колесами, циферблат, покрытый белой эмалью, одна, по-видимому, часовая стрелка. Позже, уже на палубе мы очистили их от накипи, и нам открылась укрепленная сбоку табличка с гравировкой:

Похоже, кто-то из офицеров держал у себя в каюте французский раритет.

Наш боцман – очень удачливый поисковик. На другой день он снова вел поиск в районе кают-компании, но на этот раз ему повезло больше. Сначала ему попадались остатки ткани, куски брезентовых пожарных рукавов, фрагменты мебели – фигурно выгнутые куски дерева. Работая далее, он в обломках заметил угол железного ящика, который привлек его внимание.

Около 10 минут он вытаскивал ящик из-под железа наваленного сверху. Когда это ему удалось, он испытал чувство, близкое к триумфу – перед ним на песке лежал телефонный коммутатор. Солнце, отраженное волнующейся поверхностью моря, играло на латунных полосах с надписями:

«Наверное, это телефонный распределитель со вспомогательного поста управления кораблем», – подумал Игорь. Он решил, во что бы то ни стало доставить находку на борт «Буревестника». 15 метров он тащил, толкал, кантовал неподатливый ящик по обломкам и дну, но силы оказались неравными. Ящик, набитый илом, был слишком тяжел, и, израсходовав весь воздух, Игорь был вынужден выйти на поверхность, оставив ящик на дне. Мы планировали его поднять на следующий день.

Эсминец вот-вот должен был перевернуться, но вместо этого вдруг последовала серия сильных толчков всем корпусом, и заскрежетало под килем: корабль коснулся песчаного грунта. Миноносец все-таки довели до отмели, но как боевой корабль он больше не существовал. Море перекатывалось через палубу. Люди облепили выступающие из воды части эсминца, плавали в воде вокруг...

Самолеты, разгрузившись наконец, скрылись, но не надолго – только чтоб дозаправиться и принять новый бомбовый груз.

К борту эсминца подходит подоспевший на помощь буксир «ОП-8». Буксир уткнулся в дымовую трубу, выступающую из воды, чтоб держаться вплотную к эсминцу. На него переносят раненых, затем переходит оставшаяся команда во главе с контр-адмиралом Владимирским, а также тяжело раненый командир корабля – Ерошенко. Далеко отойти буксир не смог – налетели пикировщики, а из вооружения на буксире был только один пулемет «Максим». Бомба попала в машинное отделение – «ОП-8» начал быстро тонуть и лег на борт. Почти все, кто бал на буксире, поплыли к берегу. «Юнкерсы» пронеслись над головой, расстреливая плавающих людей из пулеметов. Не многим удалось преодолеть полкилометра, отдалявших место трагедии от Тендровского берега. Вскоре примчался торпедный катер, он снял с выступающего буксира тяжелораненых и доставил их на Тендру, где действовал небольшой госпиталь Дунайской военной флотилии, а затем отвез в Одессу контр-адмирала Владимирского.

Так и не дождавшись прибытия «Фрунзе» в назначенную точку randevu, командир высадки – комбриг крейсеров капитан I-го ранга С.Г.Горшков – вынужден был взять командование операцией на себя и начать десантирование. Высадившись у села Григорьевки, десантники во взаимодействии с сухопутными войсками Одесского оборонительного района

разбили группировку противника, занимавшего позиции к востоку от Одессы, тем самым значительно облегчив положение осажденного города.

Еще долго над волнами Каркинитского залива темнели мачты, надстройки и дымовые трубы эскадренного миноносца «Фрунзе», напоминая о судьбе корабля, который погиб непобежденным.

А ночью сорвался шторм. Косой дождь забивал лицо, а ветер свистел в корабельных снастях. В полной темноте, разбиваемой только светом якорного фонаря на носу, «Буревестник» перекатывался на волнах. Прочный стальной трос, заведенный с катера за котел «Фрунзе» как мертвый якорь, настраивался подобно струне и отзывался жалобным стоном на каждый рывок. Остаться над «Фрунзе» более не было никакой возможности.

Начальник экспедиции и капитан приняли решение уходить в Тендровский залив, под защиту косы. Срочно были отданы все концы, связывающие «Буревестник» с покоящимся на дне эсминцем и, подгоняемые волной и ветром, мы направляемся на север. До встречи, эсминец «Фрунзе», приятных тебе снов!

Корчагин К.А. Це – „Фрунзе”!

Влітку 1997 року клуб підводного пошуку „Садко” з Миколаєва зробив похід до місця загибелі ескадреного міноносця „Фрунзе”. Цей есминець загинув восени 1941 року в бою із німецькою авіацією в Каркинітській затоці, недалеко від Тендровської коси. Стаття, що лежить перед вами, є оповіданням про цей похід.

Ключові слова: Велика Вітчизняна війна, есминець „Фрунзе”, клуб підводного пошуку „Садко”.

Korchagin K.A. This is “Frunze”!

In summer of 1997 the club of submarine search “Sadko” from Nikolaev undertook a trip to the place of squadron destroyer “Frunze” wreckage. This destroyer was lost in autumn of 1941 in a fight with German aviation in the Karkinit bay, not far from the Tendra cape. The article is a story about this trip.

Keywords: Great Patriotic war, destroyer “Frunze”, club of submarine search “Sadko”.